

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 4 (89). С. 84–90.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 4 (89):84–90.

Научная статья
УДК 821.161.1-1.09"17"
DOI 10.37724/RSU.2025.89.4.009

«Ночная» поэзия русского предромантизма в фокусе «срединной культуры»

Алексей Николаевич Пашкуров

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
anr.72@mail.ru

Аннотация. В статье одно из ведущих явлений русского предромантизма рубежа XVIII–XIX веков, «ночная поэзия», рассматривается через призму ключевых тенденций так называемой «срединной культуры», эпицентра общеродового явления литературной культуры. Опорными постулатами в теории «срединной культуры» справедливо следует считать три момента: концепцию диалектических контрастов и генезиса феномена «примирающей середины»; гипотезу о существовании в данной системе «центров притяжения», аттракторов, которые, в зависимости от того, стремится данное целое к организации хаоса в порядок или же к перестройке существующего порядка для перехода на новый уровень развития, бывают, соответственно, «простыми» и «сложными»; учение о триадах как средоточии тринитарного гармонизирующего мышления. Исследование различных стадий и типологии «срединной культуры» актуально ввиду того, что во многом именно данный фактор обеспечивает развитие всей системы культуры в целом.

Цель предлагаемого исследования — проанализировать типологию проявления тенденций «срединной культуры» в «ночной» поэзии русского предромантизма.

В «ночной» поэзии русского предромантизма конца XVIII — начала XIX века Ночь, с одной стороны, выступает как своеобразный замкнутый мир, в границах которого максимально обострены противоречия Бытия в их развитии. С другой стороны, это — особая переходная область между земной жизнью и небесным идеалом. Во втором случае можно говорить об отражении характерного предромантического принципа троимирия. Первая из обозначенных тенденций — рангом выше, ее задача — представить нового типа системное мышление, стремящееся к равноправию и гармоничному взаимодействию всех своих элементов-звеньев.

Символический образ Ночи существует и развивается между полюсами представлений о Гармонии и Дисгармонии. Идея высшей Гармонии при этом находит свое отражение в концептах Покоя и Тишины, а Дисгармония как концепция мира отображается через мотивный комплекс рефлексии, стремящейся постичь самоё себя.

Полная картина складывается при рассмотрении всех периодов генезиса и эволюции «ночной» поэтики в русском лирико-философском сознании: от писателей, находящихся на переходной стадии между сентиментализмом и ранним предромантизмом (М. М. Херасков, И. И. Хемницер, М. Н. Муравьев) — к авторам порубежья XVIII–XIX столетий, во многом предвещающим и открытия русского романтизма первой трети XIX века (А. Якубович, Е. Смагин, П. Андреев и др.).

Ближайшей перспективой может считаться комплексный анализ динамики «ночной» картины в философской поэзии русского романтизма.

Ключевые слова: гармонизирующие тенденции литературной культуры, мотив рефлексии, «ночная» поэтика в русском предромантизме, символаобразы тишины и покоя, «срединная культура».

Для цитирования: Пашкуров А. Н. «Ночная» поэзия русского предромантизма в фокусе «срединной культуры» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 4 (89). С. 84–90. DOI: 10.37724/RSU.2025.89.4.009.

Original article

“Nocturnal” poetry of Russian Pre-Romanticism in the focus of “middle culture” poetics

Aleksey Nikolaevich Pashkurov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
anp.72@mail.ru

Abstract. The article examines one of the key phenomena of Russian pre-Romanticism at the turn of the 18th and 19th centuries, “nocturnal poetry,” through the prism of key trends in the so-called *middle culture*, the epicenter of a general phenomenon in literary culture. We can definitely consider the following three points as the fundamental postulates of the theory of middle culture: the concept of dialectical contrasts and the genesis of the phenomenon of the “reconciling middle”; the hypothesis of the existence of attractors in the “centers of attraction.” Depending on whether the whole strives to bring order into the chaos or to restructure the existing order for its transition to a new level of development, These attractors may be, respectively, ‘simple’ or ‘complex.’ The doctrine of triads forms the basis of Trinitarian harmonizing thinking. The study of the various stages and typology of “middle culture” is relevant because, in many ways, it is this factor that ensures the development of the entire cultural system as a whole.

The aim of this study is to analyze the typology of manifestations of the middle cultural trends in the “night-time” poetry of Russian pre-Romanticism.

In the “nocturnal” poetry of Russian pre-Romanticism of the late 18th and early 19th centuries, Night appears, on the one hand, as a kind of closed world, where the contradictions of Existence are most dramatized. On the other hand, it is a special transitional area between earthly life and the heavenly ideal. In the second case, we can speak of a reflection of the typically pre-Romantic principle of the tripartite world. The first of these trends is higher in rank, its task being to present a new type of systematic thinking that strives for equality and harmonious interaction between all its elements.

At the same time, the symbolic image of Night exists and develops between the extremes of Harmony and Disharmony. The idea of ultimate Harmony is reflected in the concepts of Peace and Silence, while Disharmony as a concept of the world is represented through a motif complex of reflection striving to comprehend itself.

A complete picture emerges when we consider all periods of the genesis and evolution of “nocturnal” poetics in Russian lyrical and philosophical consciousness: from writers in the transitional stage between sentimentalism and early pre-Romanticism (M. M. Kheraskov, I. I. Chemnitzer, M. N. Muravyov) to writers at the turn of the 18th and 19th centuries, who in many ways anticipated the discoveries of Russian Romanticism in the first third of the 19th century (A. Yakubovich, E. Smagin, P. Andreev, and others).

Among our research prospects, we consider a comprehensive analysis of the dynamics of the “night imagery” in the philosophical poetry of Russian Romanticism.

Keywords: harmonizing tendencies of literary culture, reflection motive, “nocturnal” poetics in Russian Pre-Romanticism, symbol-images of silence and quietude, “middle culture”.

For citation: Pashkurov A. N. “Nocturnal” poetry of Russian Pre-Romanticism in the focus of “middle culture” poetics. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 4 (89):84–90. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.89.4.009.

Введение

Литературная культура — феномен, постоянно сопровождающий генезис и эволюцию важнейшего гуманитарного ядра культуры. Это своего рода ответ культуры на окружающий мир и одномоментно ее манифест, главная сверхзадача которого — определить сферы влияния словесного искусства и всего, с ним связанного, на жизнь общества и цивилизации.

Литературная культура России XVIII века — явление очень интересное и показательное в динамике своих противоречий.

Поиск нового Единого Пути литературы и культуры протекал в первый век Нового времени весьма непросто, но при этом в процесс оказались втянуты фактически все без исключения литературные направления, жанры и идеологии. Какие-то из областей отстают от такого рода тенденций дальше, какие-то «приступают» к эпицентрам событий существенно ближе; есть и такого рода явления, которые как бы «колеблются», наподобие маятников или чашек весов, попеременно занимая то ту, то другую позиции.

Существенно скорректировать уже сложившуюся систему представлений о русской литературе XVIII столетия, а подчас и дополнить ее ощутимо новыми данными позволяет, на наш взгляд, рассмотрение в свете теории так называемой «срединной культуры». Хотя окончательно концепция «срединной культуры» стала складываться в научной мысли лишь к рубежу XIX–XX веков, само описываемое этой многомерной и продуктивной теорией явление, бесспорно, существовало задолго до этого: собственно говоря, «срединная культура» — одна из древнейших спутниц всей культуры человечества.

Термин «срединная культура» впервые был введен и обоснован в 1914 году выдающимся российским мыслителем, одним из идеологов литературной культуры Серебряного века и предводителей русской эмиграции первой волны Н. Бердяевым в его книге «Смысл творчества». Сразу заметим, что переиздание этого труда уже в 2002 году практически сразу всколыхнуло новые волны весьма устойчивого и глубокого интереса и современной философии, и культурологии к феноменальной проблеме так называемой «срединности» [Бердяев, 2002]. В качестве определяющих можно назвать исследования Б. С. Ерасова и А. П. Давыдова [Ерасов, 2002 ; Давыдов, 2002].

Б. С. Ерасов четко постулирует такие смысловые показатели феномена «срединной культуры», как:

- одновременное расположение в центре всей системы культуры,
- особый динамичный характер всех процессов, в ней протекающих,
- направленность данных тенденций и процессов к «достижению единства и стабильности духовной жизни общества» [Ерасов, 2002, с. 138, 144].

Современные специалисты в области теории литературы связывают концепцию «срединной культуры» и с обширной проблемой гуманитарного знания — проблемой соотношения бинарного и тринитарного мышления. Бинарная оппозиция априори подразумевает наличие двух противоположных полюсов («+» и «–»), стремящихся к взаимодействию, но и постоянно «отталкивающихся» друг от друга. Ценностные представления о новом, объединяющем, «третьем», смысле в общественно-культурном сознании интенсивно питают тенденции так называемых «тринитарных структур» в культуре. Задача этих новых центров — преодоление крайностей противостоящих, антонимичных представлений. А все это и есть, по сути, ведущие тенденции «срединной культуры», в которой и благодаря которой диалог противоречий через идею примирения выходит к созданию нового качества (картина в деталях — в исследованиях А. П. Давыдова и Ю. Г. Нигматуллиной [Давыдов, 2002 ; Нигматуллина, 2013, с. 5–35 ; Нигматуллина, 2019, с. 5–19]).

Высшей задачей процессов, протекающих в единой системе литературной культуры, становится, «под знаменателем срединности», стремление к интеграции, объединению на новом витке-уровне первоначально нередко противоположных тенденций и ценностных установок в новую единую многоуровневую систему культуры. При таком раскладе может возникнуть, как замечают современные философы-культурологи, даже «унисон диссонансов», в диалоге с многомерными и противоречивыми процессами «необратимого усложнения» [Кузнецов, 1981, с. 23 ; Нигматуллина, 2019, с. 6–7].

Опорными постулатами в теории «срединной культуры» справедливо следует считать три момента:

- а) концепцию диалектических контрастов и генезиса некоей «примиряющей середины»;
- б) гипотезу о существовании в данной системе так называемых центров притяжения, аттракторов, которые, в зависимости от того, стремится данное целое к организации хаоса в порядок — или же к перестройке существующего порядка для перехода на новый уровень развития, бывают, соответственно, «простыми» и «сложными»;
- в) учение о таком эпицентре тринитарного гармонизирующего мышления, как триады.

Основная часть

В «ночной» поэзии русского предромантизма конца XVIII — начала XIX века Ночь, с одной стороны, выступает как своеобразный замкнутый мир, в границах которого максимально обострены противоречия Бытия в их развитии. С другой стороны, это — особая переходная область между земной жизнью и небесным идеалом. Во втором случае можно говорить об отражении характерного предромантического принципа троимирия. Первая из обозначенных тенденций — рангом выше, ее задача — представить нового типа системное мышление, стремящееся к равноправию и гармоничному взаимодействию всех своих элементов-звеньев.

Символический образ Ночи существует и развивается между полюсами представлений о Гармонии и Дисгармонии. Идея высшей Гармонии при этом находит свое отражение в концептах Покоя и Тишины, а Дисгармония как концепция мира отображается через мотивный комплекс рефлексии, стремящейся постичь самоё себя.

Начнем с рассмотрения ключевых диалектических контрастов-противоречий, стимулирующих тенденции «срединности» изнутри.

Размышляя об онтологической сущности ночной поэтики в предромантизме, интересную и образную гипотезу предложил в свое время Л. Суханек: «Ночь начала восприниматься как время обострения философических раздумий человека, в диалоге его сиюминутного бытия и вечности. В этих размышлениях... проявлялась меланхолия...» [Suchanek, 1990, с. 33].

Примирающей «сердцевиной» для поэтов нередко выступают символообразы ночных светил, прежде всего луны и месяца, а далее — порождаемые ими явления характерной аллегорической обобщенности: свет, луч, звезда... По возрастающей это приведет в поэтическом космосе известного предромантика С. С. Боброва к превознесению нового «центра мира» — «Звезды Полярной». Характерная для эмоциональной палитры предромантизма меланхолия выводит целокупность диалектических контрастов всей системы к еще одному существенному внутреннему противоречию: завещанное от М. В. Ломоносова стремление постигнуть Бездну «наталкивается» на посыл рефлексии, кризиса и смуты, как, например, в «Ночном размышлении» (1806) у М. М. Хераскова.

Находит свое отражение-«отзеркаливание» система контрастов-противоречий, которые ведут к гармонии и на жанровом уровне предромантической философской лирики. Так, в элегии Е. Смагина «Месяц» (1803) в контрастную, но неразъединимую смысловую пару попадают одномоментно приметы жанров идиллии и философской (философической) оды. Ср.: «*Для мравиев — как для гигантов, ... Горишь...*» [Смагин, 1803, с. 78]; «*Куда твой свет... польется, / Там искры влажные росы / Как диаманты заблестают / ...Мелькнешь ли в безднах Океана, / Катясь в зеркале гладких вод...*» [Там же]¹.

Для того чтобы диалектические контрасты двигали единое целое по пути развития, необходимо наличие определенного «энергетического центра», в теории «срединной культуры» именуемого «аттрактором».

В непосредственно предшествующей предромантической мирокартине системе классицизма и «ночная» поэзия нацелена, как правило, сразу на гармонизацию. В связи с этим логично говорить о «простом аттракторе».

В предромантизме гораздо устойчивее (в чем заключается парадокс) тенденция к «рассхатыванию» прежнего миропорядка в пользу постижения высшей Тайны Бытия. В этом случае налицо «аттрактор сложный».

Для классицизма характерна идеология четкой изначальной и всеобщей гармонии, которой подчинен и космос (как у М. В. Ломоносова в знаменитой оде: «Народы там и круг веков...» [Ломоносов, 2025]). Иная ситуация — в предромантизме: здесь в центре — как раз идеология дисгармоничности, в том числе через смысловую пару философских концептов «Смерть — Тайна» (показательная картина представлена в позднем произведении Г. Р. Державина «На выздоровление Мецената»: «Кровавая луна блистала / Чрез покровенный ночью лес...» [Державин, 2025]).

«Ночная» Меланхолия в аспекте концепции аттракторов оказывается явлением двуплановым. С одной стороны, налицо признание трагедий Бытия, что находит свое средоточие в символическом образе Бездны. С другой стороны, Бездна выступает и как посредник-помощник на пути взлета души медитирующего лирического «я» к Богу.

¹ В цитатах курсивом мы отмечаем показательные моменты идиллической (близкой сентиментализму) поэтики, а полужирным шрифтом — реликтовые приметы патетики философской оды классицизма.

В итоге достаточно отчетливо выявляются такие смысловые закономерности:

а) мудрость в созерцании мироздания и высшем покое. Основой такого видения выступают в европейской философии труды Э. Шефтсбери и особенно Х.-Ф. Геллерта. Один из трактатов второго, выдающегося германского философа-моралиста, имеет символическое для «меланхолической школы» название: «О приятности грусти». Перевод этого произведения на русский язык выполнил в свое время русский масон А. М. Кутузов в 1781 году («Московское ежемесячное издание», часть III). Именно это эссе Г. П. Макогоненко справедливо обозначил как «...первый манифест русского сентиментализма» [Макогоненко, 1956, с. 331];

б) кризис и проистекающая из этого рефлексия. Интересно и показательно «Ночное размышление» в позднем творчестве М. М. Хераскова (1806).

Возврат к мировоззренческим задачам «простого аттрактора» становится возможным благодаря тройственному союзу символических образов Уединения, Созерцания и Тишины — с одной стороны, а дуэту мотивов Покоя и Молчания — с другой.

В цельной картине вырисовывается ряд примечательных примеров:

1) уединение, созерцание, тишина:

а) о «кротком луче» светил вечера и ночи пишет М. Н. Муравьев в элегии «Ночь» (1785) [Муравьев, 1967, с. 159];

б) луна дарует миру «приятно томный», «кроткий луч» у А. Лопухина («Вечернее размышление», 1795) [Приятное и полезное ... , 1795, с. 313];

2) покой и молчание, полное благодарности и восхищения перед Высшим началом: «Мир сладчайший водворился, / Все покоится, молчит...» (Д. С. «Тихий вечер», 1792) [Московский журнал, 1792, 8, с. 172].

Вместе с тем побеждают все же тенденции «странного аттрактора». В итоге формируются представления о высшей Бесконечности, которая соединяет-примиряет тьму и свет, мотивы рефлексии отчаяния и надежды. Тонко почувствовал это Е. Смагин в элегии «Месяц» (1803), назвав главного «героя» «светильником мрака и любви» [Смагин, 1803, с. 77].

Существенно по-новому меняется и жанровая картина лирики отечественного предромантизма. В итоге окончательно формируется характерная для русской поэтофилософии триада: ода и философическая поэма — с одной стороны (наследие, восходящее к классицизму), эпицентр новой движущейся к романтизму поэтики (жанр баллады) — с другой; в сердцевине между этими полюсами и располагается сердцевина «меланхолической школы» — «созерцательная элегия» [Виницкий, 1995].

На жанровом уровне выражено четкое проявление в данном случае «переходной» триады, когда один из трех элементов как бы «возвышается» над двумя другими, исполняя роль своего рода «третьего судьи» [Нигматуллина, 2019].

Явлен феномен триады в «ночной» поэзии русского предромантизма еще с ее истоков, причем начинается эволюция планомерно, с самой простой типологической разновидности — линейной триады. В подобной картине всегда идет движение «по нарастающей вверх», когда каждое последующее звено на определенный «порядок» выше предыдущего [Нигматуллина, 2019].

Например, первые ростки такого рода тринитарного мышления интересно проследить у И. И. Хемницера в элегии «Часть картины садящегося Солнца». Засыпающее Солнце попадает в своеобразное «пограничное Бытие» между Светом и Темнотой: «Багровая краса очам уже явилась / И множа тень свою сугубо помрачилась...». И далее: светило «... казало след / В собравшихся парах, объемлющих наш свет...» [Хемницер, 1963, с. 200].

Реализует себя линейная триада и на уровне хронопоэтики предромантической лирики в России. Воплощением зыбкости Бытия предстает смена мира Солнца на пространства ночных светил у П. Андреева в «Вечернем размышлении» (1798): «Величественное светило / В последний раз на горизонт / ... луч свой ниспустило...» [Приятное и полезное ... , 1798, с. 93].

Но картина не была бы полной, если бы не сформировалась «системная триада», при которой все три элемента абсолютно равноправны, попеременно занимая позицию лидера [Нигматуллина, 2019].

Идея зыбкости ночного мироздания непреложно актуализирует мотивы Тишины и Сна: «На грудь облокотясь сна, / Уже природа нежна дремлет...» (А. Якубович) [Приятное и полезное ... , 1798, с. 80]; «... из флеров тихой ночи / По синим яхонтам небес» всходит месяц (Е. Смагин) [Смагин, 1803, с. 77].

В элегии Е. Смагина происходит своеобразная «вершинная встреча» системной и линейной триад:

а) в прологе вступают в диалог лирическое «я» и месяц, в честь которого произведение и получает свое имя. Затем, в развитии, начинает разворачиваться идея «высокой Меланхолии» (отметим: именно в светлой модели мира, а не в более характерном для вызревающего романтизма пессимистичном, «кладбищенском» варианте);

б) по мере разворачивания композиции и ее идеологием все более существенной становится роль линейной триады. В описании Месяца Смагин дает показательную лирико-философскую градацию: «Светильник мрака и любви!» — «Твой блеск — Поэзия гремяща...» — «Ты мир!» [Смагин, 1803, с. 77–78].

Заключение

Сверхзадача «ночной» поэзии предромантизма — создание новой модели мироздания, в том числе через кардинальное переструктурирование хронотопа.

В центре поэтики хронотопа чаще всего оказывается символический образ Бесконечности. С одной стороны, в «Месяце» Е. Смагина налицо акцентировка на безграничности пространства. Взгляд лирического героя стремится увидеть и постичь всю Природу от «искр влажных росы» до грозных льдин в Гренландии. Но далее, в пятой строфе, бесконечность «покоряет себе» и вторую «составляющую» двусоставного феномена хронотопа, а именно — время: «... тебе подобно / Доднесь во множестве веков — / Созданье свыше, благородно, / Картина верная богов...» [Смагин, 1803, с. 79] (курсив наш. — А. П.). Вершина-идеал тринитарных тенденций достигнута.

В ближайшей перспективе — комплексное исследование бытия «ночной» поэтики в поэтофилософии русского романтизма. В ней будет четко выражено уже трагическое обострение ситуации мироздания, в том числе через ведущую символику Двоемирия. При этом устремленность к Гармонии, мечтание о некоем высшем примиряющем идеале, бесспорно, останутся смыслонесущими аксиологическими ориентирами, например, у такого знакового поклонника мировой «ночной» литературы, как поэт-страдальца И. И. Козлова, а также в позднем творчестве великого мечтателя-странника русской лирики — В. К. Кюхельбекера.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества. — Харьков ; М. : АСТ «Хранитель», 2002. — 679 с.
2. Виноцкий И. Ю. Русская «меланхолическая школа» конца XVIII — начала XIX веков и В. А. Жуковский : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М. : Моск. гос. пед. ун-т, 1995. — 17 с.
3. Давыдов А. П. Становление «срединной культуры» в России (на материале русской литературы первой половины XIX века) : дис. ... д-ра культ. наук. — М. : Ин-т сравнит. политологии РАН, 2002. — 561 с.
4. Державин Г. Р. На выздоровление Мецената. — URL : <https://rvb.ru/18vek/derzhavin/01text/015.htm> (дата обращения: 05.09.2025).
5. Ерасов Б. С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. — М. : Наука, 2002. — 524 с.
6. Кузнецов Б. Современная наука и философия. Пути фундаментальных исследований и перспективы философии. — М. : Политиздат, 1981. — 184 с.
7. Ломоносов М. В. Вечернее размышление о Божием Величестве... — URL : <https://www.culture.ru/poems/37587/vechernee-razmyshlenie-o-bozhiem-velichestve> (дата обращения: 05.09.2025).
8. Макогоненко Г. П. Радищев и его время. — М. : ГИХЛ, 1956. — 774 с.
9. Московский журнал. — 1792. — Ч. 8. — 340 с.
10. Муравьев М. Н. Стихотворения. — Л. : Советский писатель, 1967. — 386 с.
11. Нигматуллина Ю. Г. «Срединная культура»: диалог бинарного и тринитарного мышления // «Срединная культура». Горизонты исследования. — М. : Перо, 2019. — С. 5–19.
12. Нигматуллина Ю. Г. Культура как примиритель // Между дисгармонией и гармонией: проблемы «срединной культуры». — Казань : Фэн, 2013. — С. 5–35.
13. Приятное и полезное препровождение времени. — 1795. — Ч. VIII. — 405 с.
14. Приятное и полезное препровождение времени. — 1798. — Ч. 19. — 350 с.
15. Смагин Е. Месяц // Новости русской литературы. — 1803. — Ч. VIII. — С. 77–80.
16. Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. — М. ; Л. : Советский писатель, 1963. — 381 с.
17. Suchanek L. Preromantyzm w Rossji. — Krakow : Nakladem Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1990. — 164 s.

References

1. Berdyaev N. A. *Smysl tvorchestva*. [The Meaning of Creativity]. Kharkov, Moscow, AST Khranitel, 2002, 679 p. (In Russian).
2. Vinitsky I. Yu. *Russkaya "melankholicheskaya shkola" kontsa XVIII — nachala XIX vekov i V. A. Zhukovskiy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. [The Russian "Melancholic School" of Late 18th — Early 19th Centuries and V. A. Zhukovsky: Abstract of dissertation ... of Candidate of Philology]. Moscow, Moscow State Pedagogical University, 1995, 17 p. (In Russian).
3. Davydov A. P. *Stanovleniye "sredinnoy kultury" v Rossii (na materiale russkoy literatury pervoy poloviny XIX veka): dis. ... d-ra kult. nauk*. [Formation of "middle culture" in Russia (Based on Russian Literature of the first half of the 19th century): dissertation ... of Doctor of Cultural Sciences]. Moscow, Institute of Comparative Political Science, Russian Academy of Sciences, 2002, 561 p. (In Russian).
4. Derzhavin G. R. *Na vyzdorovleniye Metsenata*. [On Maecenas' Recovery]. Available at: <https://rvb.ru/18vek/derzhavin/01text/015.htm> (accessed: 05.09.2025). (In Russian).
5. Yerasov B. S. *Tsivilizatsii. Universalii i samobytnost*. [Civilizations. Universals and Originality]. Moscow, Nauka, 2002, 524 p. (In Russian).
6. Kuznetsov B. *Sovremennaya nauka i filosofiya. Puti fundamentalnykh issledovaniy i perspektivy filosofii*. [Modern Science and Philosophy. Paths of Fundamental Research and Prospects of Philosophy]. Moscow, Politizdat, 1981, 184 p. (In Russian).
7. Lomonosov M. V. *Veчерneye razmyshleniye o Bozhiyem Velichestve...* [Evening Reflection on God's Majesty...] Available at: <https://www.culture.ru/poems/37587/vechernee-razmyshlenie-o-bozhiem-velichestve> (accessed: 05.09.2025). (In Russian).
8. Makogonenko G. P. *Radishchev i yego vremya*. [Radishchev and His Time]. Moscow, GIKhL, 1956, 774 p. (In Russian).
9. *Moskovskiy zhurnal*. [Moscow Journal]. 1792, pt. 8, 340 p. (In Russian).
10. Muravyov M. N. *Stikhotvoreniya*. [Poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel, 1967, 386 p. (In Russian).
11. Nigmatullina Yu. G. "Middle Culture": A dialogue of binary and trinitarian thinking. *"Sredinnaya kultura". Gorizonty issledovaniya*. ["Middle Culture." Research Horizons]. Moscow, Pero, 2019, pp. 5–19. (In Russian).
12. Nigmatullina Yu. G. Culture as a Reconciler. *Mezhdru disgarmoniyey i garmoniyey: problemy "sredinnoy kultury"*. [Between Disharmony and Harmony: Problems of the "Middle Culture"]. Kazan, Fen, 2013, pp. 5–35. (In Russian).
13. *Priyatnoye i poleznoye preprovozhdeniye vremeni*. [Pleasant and Useful Pastime]. 1795, pt. VIII, 405 p. (In Russian).
14. *Priyatnoye i poleznoye preprovozhdeniye vremeni*. [Pleasant and Useful Pastime]. 1798, pt. 19, 350 p. (In Russian).
15. Smagin E. The Month. *Novosti russkoy literatury*. [Russian Literary News]. 1803, pt. VIII, pp. 77–80. (In Russian).
16. Chemnitzer I. I. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy*. [Complete Collection of Poems]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel, 1963, 381 p. (In Russian).
17. Suchanek L. *Preromantyzm w Rossji*. Krakow, Nakladem Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1990, 164 p. (In Polish).

Информация об авторе

Пашкуров Алексей Николаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания Казанского федерального университета.

Сфера научных интересов: русская литература XVIII — первой половины XIX века, генезис и эволюция русской философской поэзии.

Information about the author

Pashkurov Aleksey Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Literature and Methodology of Literature Teaching at Kazan Federal University.

Research interests: Russian literature of the 18th and the first half of the 19th centuries, genesis and evolution of Russian philosophical poetry.

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was submitted 25.07.2025; accepted for publication 29.09.2025.